

Ли Гуаньци не смел поднять головы, его трясло. Он замер на месте и стиснул в кулаке травы, боясь пошевелиться.

Однако мужчина сразу заметил в полумраке его распахнутые глаза. Потемнев лицом, он взмахом руки сбил мальчика с ног. Раздался громкий шлепок.

— Проклятье, сколько раз я тебе говорил, носи повязку! У тебя дурной глаз!

Увидев рассыпанные по полу травы, Ли Дашань расвирепел ещё больше. И несколько раз яростно пнул ребёнка, крича:

— Ты потратил деньги на лекарства?!

Такие сцены были повторяющимся кошмаром Ли Гуаньци. Он закрыл голову руками и сжался в комок.

Этот ужас начался три года назад, когда они, спасаясь от голодной смерти, нашли приют у своего "дяди".

Лёжа на полу, мальчик пытался закрыть рассыпанные травы собственным телом.

Услышав шум, женщина на кровати, пошатываясь, встала и попыталась оттолкнуть Ли Дашаня.

— Не бей... не бей ребёнка...

В ответ Ли Дашань схватил попавшую под руку доску и ударил женщину по голове. Раздался громкий стук.

— Заморыш! Какой смысл тратить деньги на лекарства?! Ты давно должен был сдохнуть! Надо было отдать тебя в услужение семье Чжао. А после твоей смерти я бы хоть получил за тебя компенсацию!

Женщина с окровавленным лбом отчаянно сжала сына в объятиях, умоляя:

— Не трогай ребёнка.

Ли Гуаньци почувствовал что-то тёплое и липкое. Когда он понял, что это, его лицо исказила гримаса. Он вырвался из объятий матери и, полагаясь на воспоминания, схватил с разделочной доски кухонный нож.

— Заткнись! Если бы ты не пил и не играл, наша семья не оказалась бы в таком положении!

Мамина болезнь бы так не затянулась, а сестру не продали семье Чжао и не заморили работой! Это ты заслуживаешь смерти! Ты, Ли Дашань!

Истукплённо кричал Ли Гуаньци с перекошенным лицом, наконец отпустив копившийся годами гнев — подавленные чувства нашли выход.

Видя, как изменилось лицо Ли Гуаньци, Ли Дашань, от которого разило алкоголем, совсем потерял голову.

— Если бы я не содержал тебя и твою мать, ты бы умер с голоду за городской стеной! И ты смеешь размахивать передо мной ножом?!

Он обшаривал глазами комнату в поисках какого-нибудь оружия.

Ли Гуаньци чутким ухом уловил его движение и, внезапно ощутив силу в ногах, метнулся к мужчине. Нож сверкнул в лунном свете, падавшем из-за распахнутой двери. Перепуганный Ли Дашань нащупал тяжёлую урну и бросил её в мальчишку. Но заморыш, демонстрируя поразительную ловкость, увернулся.

Крак! Бах!

Урна разбилась у ног Ли Гуаньци, зазвенели упавшие на пол монеты, мальчик окаменел: он понял, что означал этот звук. Звонкие медяки поблёскивали на полу.

Ли Дашань радостно завопил:

— Ха-ха-ха! Десять монет! Теперь я всё изменю! Отыграюсь и верну своё с процентами! Ха-ха-ха!!!

Ли Гуаньци била неужённая дрожь. В голове проносились воспоминания.

Он не помнил, чтобы когда-то был сыт, не помнил своего отца, даже не знал его. Он думал, его отец умер в тот голодный год, три лета назад, когда они нашли приют у своего дальнего родственника Ли Дашаня, и начался этот кошмар.

Ли Дашань частенько навещался к ним за деньгами. Когда деньги у него появлялись, он или напивался до беспамятства, или целыми днями пропадал в игорном доме. Сегодня он пришёл снова, как-то прознав о смерти сестры Ли Гуаньци и положив глаз на компенсацию.

Иногда Ли Гуаньци грезил, как чудесно было бы стать одним из бессмертных, что парят в небесах, не зная тягот смертного мира. Возможно, тогда бы земные страдания обходили его стороной. Но даже предаваясь мечтам, он слышал звенящие в ушах проклятия Ли Дашаня.

— Смерть есть смерть. Зачем беспокоиться о кремации!

Ли Гуаньци медленно поднял нож.

В глазах Сон Ваньжун мелькнуло сомнение, но, давно разочаровавшись в Ли Дашане, она не стала вмешиваться. Она знала, что её дни сочтены, и не хотела дожидаться того мига, когда Ли Дашань продаст её единственного оставшегося ребёнка в уплату долгов.

«Может... это и к лучшему».

Острый нож вошёл в шею мужчины, в лицо брызнуло что-то тёплое. Ли Дашань с навеки застывшим в глазах изумлением рухнул в лужу собственной крови.

Мальчик, обессилив от пережитого, осел на пол.

Сон Ваньжун почувствовала головокружение, в глазах потемнело. Холод медленно поднимался от ног к сердцу — её время подходило к концу. Бледное лицо женщины озарила слабая улыбка. Она ласково позвала:

— Гуаньци... иди сюда.

Услышав голос матери, Ли Гуаньци, весь дрожа, торопливо подошёл и обнял её. Сон Ваньжун, не глядя на лежащее рядом тело, прикрыла сыну глаза ладонью и попыталась успокоить, тихонько поглаживая по спине.

— Гуаньци, ничего не бойся... Смерть это просто смерть. Всё хорошо. Ну же, дай маме на тебя наглядеться.

Чуткий ум Ли Гуаньци сразу всё понял. Он поднял голову, а из глаз уже катились слёзы. Он почти не мог говорить.

— Мама... ты тоже меня оставляешь?

— Ничего не поделать...

Сон Ваньжун смотрела на метель за окном, мир становился всё более размытым, она тихо пробормотала:

— Я такая бесполезная, позволила тебе страдать... Когда вырастешь, ты должен стать сильным и достойным человеком. Жениться, завести детишек... А мама... всегда будет присматривать за тобой с небес. Ты должен... жить хорошо. Иди к полноводным рекам, познай величие

смертного мира.

Прошептала она. Ли Гуаньци почувствовал, как обмякает её рука и, обуреваемый горем и гневом, выкрикнул:

— Мама!!! Мама!!!

...

— Мама...

Ответа не было. Ли Гуаньци в оцепенении сидел в объятиях матери, шепча:

— У меня... больше нет мамы. У меня больше... нет никого.

Его глаза покраснели от слёз. Он больше не говорил, лишь нежно гладил мать по лицу, словно стремясь навсегда запечатлеть в памяти ускользающие черты.

Мальчик постучал в дверь лавки, убранной белым шёлком. Толстый лавочник нетерпеливо открыл дверь и увидел заморыша, который приходил вечером. Вдруг его охватил гнев, и лавочник закричал:

— Зачем ты опять здесь? Ты уже приходил! Я говорил, что мы всё делаем на совесть. Я правда не завышал цену!

Мальчик, босой на холодном снегу, опустил голову и хрипло произнёс:

— Моя мама тоже умерла. Не могли бы вы помочь мне перенести её?

Услышав это, лавочник осёкся. Его гнев рассеялся, сменившись сердечной болью. Он открыл дверь, втокнул ребёнка внутрь, дал ему поношенный плащ, больше не нужный в этом доме, и сдавленным голосом сказал:

— Сначала согрейся... А я пойду оденусь. Ох, малыш... твоя жизнь слишком тяжела. Если ты не против, когда подрастёшь, приходи работать в моей лавке помощником. Не скажу, сколько я буду тебе платить, но ты, по крайней мере, не будешь голодать.

Ли Гуаньци уже перестал плакать, но тут, потрясённый неожиданным участием лавочника, сел на пол и разревелся в голос.

Пламя обжигало лицо, мальчик опустился на колени и низко склонился перед печью.

— Мама, я никогда не забуду твою доброту и заботу. Я буду жить хорошо!

В небесах одетый в серое Су Сюань молча наблюдал за этой сценой. Он вздохнул, ибо даже оказавшись рядом был бы не в силах изменить судьбу.

В этот день маленький слепой мальчик покинет город Бэйлян со стариком по имени Су Сюань.

<http://tl.rulate.ru/book/98242/3323464>